

Рин Усами

Моего айдола осуждают

Серия «Хиты Японии»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66977887
Моего айдола осуждают. Роман: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-145514-9*

Аннотация

Старшеклассница Акари имеет пару медицинских диагнозов. Она часто плохо себя чувствует, ей с большим трудом дается учеба, она не может запомнить порядок действий в закускойной, где подрабатывает официанткой... Но все это неважно – ведь с недавних пор у нее появился кумир. Она ходит на его концерты и спектакли, слушает и читает все материалы про него в сети Интернет, в журналах, на радио, по телевизору, покупает плакаты и фотографии с его изображением. Она не стремится познакомиться с ним лично, но хочет «видеть мир его глазами», она хочет понять его, «интерпретировать» его, хотя и признает, что это вряд ли возможно.

Узнав, что ее кумир ударил свою фанатку и тем самым вызвал всеобщее осуждение, Акари все равно собирается поддерживать его – «и в болезни, и в здравии», но удастся ли ей до конца понять этого человека и поможет ли увлечение кумиром разобраться с себе?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Рин Усами
Моего айдола осуждают
Роман

Rin Usami

押し、燃ゆ

Oshi, Moyu

* * *

Original Japanese edition published by KAWADE SHOBO SHINSHA Ltd. Publishers., Tokyo.

Russian language translation rights arranged with KAWADE SHOBO SHINSHA Ltd. Publishers through The English Agency (Japan) Ltd and New River Literary Ltd.

Illustration by Daisukerichard

© 2020 Rin Usami All rights reserved

© ООО «Издательство АСТ», 2022

© Румак Н. Г., перевод на русский язык

* * *

*Я хочу увидеть тот мир, который он видит,
который он ощущает...*

Моего кумира осуждают. Говорят, он ударил свою фанатку. Никаких подробностей нет, но, несмотря на это, за одну ночь в Сети разгорелись страсти. Я в ту ночь плохо спала. Резко проснулась, как будто от какого-то предчувствия, и включила мобильный, чтобы посмотреть, который час, а в соцсетях уже отчаянно шумели. Увидев сонными глазами фразу «Говорят, Масаки ударил фанатку», я на секундочку потеряла связь с реальностью. Ноги во сне вспотели. Я взглянула на новости в Сети, а потом могла только сидеть, скрючившись, на постели, уронив на пол тонкое одеяло, и думать о положении дел моего кумира, наблюдая за тем, как разрастается злобная критика.

Ну как?

Уведомление о сообщении перекрыло его глаза на экране блокировки телефона, словно это были глаза преступника. Написала Наруми. Когда на следующий день она вскочила в вагон, первым ее вопросом было: «Ну как?»

Наруми одинаковая, что офлайн, что онлайн. Разглядывая ее печальное лицо, на котором над огромными глазами домиком заломлены брови, я подумала, что есть эмодзи с точно таким же выражением, и ответила: «Кажется, паршиво». – «Да?» – «Да!» Наруми, в своей форменной блузке с двумя расстегнутыми пуговками, уселась на сиденье рядом со мной, и я почувствовала запах ее цитрусового дезодоранта. Я ввела «0815» – день рождения кумира – на ярком до рези в глазах экране и по привычке открыла соцсети. Они

были полны вздохов.

– Много обсуждают? – Наруми тоже вынула свой мобильный. Под прозрачный силиконовый чехол была засунута темная фотография.

– Сфоткалась?

– Круто, да? – ответила она с беззаботным лицом, похожим на нарисованный *смайлик*. Наруми говорит четко, каждый раз меняя выражение лица, словно иконку. Она не кокетничает, не смеется натужно – мне кажется, она просто старается вести себя как можно проще.

– И сколько сфоткала?

– Десять кадров.

– Ого! А, на десять тыщ иен!

– Ну, наверное.

– Так дешево?! Обалдеть!

Группа, по которой она сходит с ума, предлагает после концертов съемку с фанатами. На тех снимках, которые она мне показала, Наруми стоит с аккуратно заплетенными длинными волосами, а ее кумир обнимает ее сзади или стоит с ней щека к щеке. До прошлого года Наруми интересовалась известными певцами, но потом решила переключиться на менее известные группы, которые зато выступают живьем и с которыми можно пообщаться лично. Она и меня звала: мол, пошли, там здорово, тебя заметят, можно будет втихаря обменяться контактами, а может, и встретаться с кем-нибудь получится.

Я не хочу ни с кем общаться. На концерты я хожу, но предпочитаю быть незаметной фанаткой. Я – часть аплодисментов, часть приветственных голосов, часть анонимных комментариев, и на том спасибо.

– Когда он меня обнял, поправил мне волосы над ухом... Я думала, что-то прилипло, а он такой... – Наруми понизила голос: – «От тебя хорошо пахнет».

– Извра-ат!

Я удваиваю «а». Наруми:

– Во-во! Больше к нему не подойду.

Она убрала фото в чехол. Айдол, которого Наруми слушала в прошлом году, ушел со сцены, потому что решил поучиться за границей. Она три дня не ходила в школу.

Да уж.

Тень от столба пролетела по нашим лицам. Наруми, словно решив, что она довольно порезвилась, выпрямила согнутые ноги и, обращаясь к своим розовым коленкам, вдруг тихим голосом пробормотала:

– Но ты молодец, Акари. Молодец, что пришла.

– Что ты сказала? «Молодец, что пришла»?

– Да.

– Мне послышалось «Молодец, что жива».

Наруми тихонько засмеялась, почти про себя, и ответила:

– И в этом тоже молодец. Айдол стоит жизни.

«Спасибо, что ты родился», «мне не достался билет, и теперь я умру», «он посмотрел на меня, значит, мы поженим-

ся» – очень многие любят произносить такие громкие фразы. Мы с Наруми не исключение, но мне не нравится, когда о замужестве говорят только тогда, когда у айдола все хорошо, и я написала на его страничке:

Я буду тебя поддерживать и в болезни, и в здравии.

Поезд остановился, жужжание цикад стало громче. Я отправляю сообщение. С соседнего сидения доносится: «Здорово!»

Рюкзак после его концерта я не разбираю, так и принесла в школу. Из всего, что в нем было, в школе мне могли пригодиться только сменный блок для тетрадки, который я брала с собой, чтобы записывать впечатления от концерта, да ручка, поэтому учебником классической литературы пришлось пользоваться одним на двоих, математику я одолжила, а, так как купальника у меня не было, на занятии по плаванию я стояла около бассейна.

Когда плаваешь, все нормально, но я стояла снаружи, и вода, струившаяся по плиткам, казалась какой-то липкой. Не как грязь или крем, а что-то более вязкое – будто в воде растворилась чья-то плоть. Вода долетала даже до тех, кто просто стоял и наблюдал за ребятами в бассейне. Со мной там была еще одна девочка из параллельного класса в тонком

белом худи с длинными рукавами поверх летней школьной формы, она раздавала доски для плавания у самого бортика. Брызги попадали на ее босые ноги, и они посверкивали молочной белизной.

Вся толпа в потемневших от воды купальниках действительно выглядела какой-то липкой. Когда девочки поднимались из бассейна, хватаясь за серебристые поручни лестниц или опираясь на шершавые желтые бортики, они напоминали мне морских котиков, или тюленей, или косаток, во время шоу в аквариуме выбрасывающих на скользкую сцену свои тяжелые тела. Со щек и плеч девочек, бравших из штабеля у меня в руках доски для плавания и бросавших мне «спасибо», летели брызги, от которых на высохших светлых досках возникали темные пятна. Тело тяжелое. Ноги, разбрызгивающие воду, и матка, в которой каждый месяц отслаивается внутренняя оболочка, тоже тяжелые. Кёко, молодая учительница, я бы сказала, даже слишком молодая, учила нас держать руки близко к телу и двигать ногами от бедра. Некоторые плюхают только нижними частями ног, но так только быстро устаешь.

Уроки здоровья тоже вела Кёко. Она равнодушным голосом вещала про всякие яйцеклетки и губчатые тела, поэтому смущения никто не испытывал, но все эти животные функции, которые почему-то есть и у людей, наваливались на меня тяжелым грузом.

Как на простыне возникают складки только от того, что

ты ложишься на постель или встаешь с нее, так на лице и коже появляются морщины только от того, что ты живешь на свете. Чтобы говорить с кем-то, ты напрягаешь мышцы лица, появляется грязь – ты принимаешь ванну, ногти растут – ты их срезаешь. Чтобы выполнить какой-то минимум, я стараюсь изо всех сил, но моих потуг всегда недостаточно. Воля и физические силы заканчиваются еще до того, как я достигаю этого минимума.

В медицинском кабинете мне порекомендовали обратиться к врачу, который поставил мне два диагноза. Я начала пить лекарства, но мне от них стало плохо, я несколько раз пропустила назначенный прием у врача, и в конце концов мне надоело к нему ходить. Название, которое дали тяжести моего тела, сначала принесло мне облегчение, но потом я почувствовала, что стала заикливаться на нем и зависеть от него. Я освобождаюсь от этой тяжести, только когда говорю о своем кумире.

Самое первое воспоминание в моей жизни – это фигурка в зеленом, на которую я смотрю снизу вверх: мой кумир, которому тогда было двенадцать, играл Питера Пэна. Мне было четыре года. Можно сказать, что моя жизнь началась с того момента, когда он пролетел, прицепленный к тросам, над моей головой.

Впрочем, заинтересовалась я им гораздо позже, когда только перешла в старшие классы; я тогда пропустила репетицию спортивного праздника и лежала под одеялом, высунув из-под него руки и ноги. К давно не стриженным ногтям на ногах прицепилась сухая усталость. На улице гоняли мяч, и до моих ушей доносились далекие вскрики игроков. Каждый раз, когда я слышала какой-то звук, сознание поднималось к поверхности реальности на полтора сантиметра.

Я не нашла форму, которую два дня назад выстирала и подготовила для репетиции. Одетая в одну белую блузку, я обыскала всю комнату, а поскольку делала это в шесть утра, то, так и не найдя форму, завалилась в постель, будто пыталась убежать от чего-то, и проспала до обеда. Однако после пробуждения окружающая реальность не изменилась. Перевернутая вверх дном комната напоминала мойку для посуды в закусочной, где я подрабатываю, и что с ней делать, было непонятно.

Я пошарила под кроватью и выудила оттуда зеленый DVD, весь в пыли. Это была запись спектакля про Питера Пэна, который я смотрела в детстве. Я засунула диск в проигрыва-

тель, на экране появилась цветная заставка – диск работал. Иногда по изображению пробегали полосы – наверное, из-за царапин на диске.

Прежде всего я почувствовала боль. Сначала – мгновенную острую боль, которая как будто пронзила меня, а потом – боль как от удара, когда тебя отталкивают в сторону. Когда мальчик оперся руками на подоконник и заскочил в комнату, а потом начал болтать в воздухе ногами, одетыми в короткие сапожки, заостренные кончики его сапог вонзились мне в сердце и безжалостно подкинули его вверх. Кажется, я помню эту боль. Это был первый год старшей школы, и к тому времени моя плоть уже, кажется, сроднилась с болью; она клубилась внутри, а иногда, словно опомнившись, превращалась просто в плотный сгусток. Болело так, как в четыре года, когда слезы выступают сами по себе, даже если ты просто упала. Словно мигом распространившись из одной точки, где возникла боль, ощущения вернулись в тело, зернистое изображение обрело цвет и свет, и мир стал четким. Маленькая фигурка в зеленом мягко приблизилась к лежащей на постели девочке и ткнула ее в плечо. Потом легонько потрясла. «Эй!» – раздался приятный звонкий голос, и я подумала: «Это Питер Пэн!» Это совершенно точно был тот мальчик, который когда-то пролетел над моей головой.

Питер Пэн, сверкая дерзким взором, каждый раз произносил слова энергично, словно взывая к кому-то. Все слова он произносил одинаково. Его движения тоже были одинаково

наигранными, но то, как он втягивал воздух и старательно произносил слова, заставляло меня так же втягивать воздух и с шумом выдыхать его обратно. Я заметила, что стараюсь слиться с ним в одно целое. Когда он начинал бегать вокруг, по моим застывшим без движения белым бедрам пробегала судорога. Глядя, как он плачет, потому что его тень изгрызла собака, я хотела обнять его вместе с его печалью, которая передавалась мне. Пробужденное сердце тяжело выталкивало кровь и волнами гнало по телу жар. Этот жар не мог вырваться наружу и оставался в сжатых кулаках и в бедрах моих согнутых ног. Питер Пэн отчаянно махал своим тоненьким мечом, его загоняли в угол, оружие противника царапало его бок, и каждый раз я чувствовала, как холодное лезвие пронзает мои внутренности. Когда он сбрасывал капитана в воду с носа корабля и поднимал голову, по моей спине пробегала дрожь от его не по-детски холодного взгляда. «Иэх-х!» – раздавался глупый возглас. Я произносила про себя: «Во дает! Обалдеть!» Я думала, что этот парень точно сможет отрубить капитану левую руку и скормить ее крокодилу. «Во дает! Обалдеть!» – кричала я, пользуясь тем, что дома никого не было. Увлечшись, я даже кричала: «Хочу в Неверленд!» – и мне казалось, что я действительно этого хочу.

Питер Пэн в пьесе несколько раз говорил, что вовсе не желает становиться взрослым. Он говорит это и отправляясь на приключения, и возвращая домой Венди и ее братьев. Эти слова отдавались во мне, в самой глубине, эхом, слов-

но у меня внутри что-то разбивалось. Вереницы слов, которые повторялись в моих ушах с давних пор, вдруг перестроились по-новому. Я вовсе не хочу взростеть! Отправляюсь в Неверленд! Жар собрался в кончике носа. Мне казалось, что эти слова для меня. Горло подрагивало от резонанса. Жар дошел и до глаз. Слова, слетавшие с красных губ мальчика, пытались вырвать такие же слова из моего горла. Но вместо слов меня переполнили слезы. Мне показалось, что кто-то настойчиво твердит мне: тебе можно считать тяжесть взросления трудным делом. Чья-то тень, несущая ту же тяжесть, проглядывала сквозь его маленькое тело. Я была связана с ним, я была связана со множеством людей через него.

Питер Пэн отталкивался от сцены и взлетал, из его рук сыпалась золотая пыль. Ко мне вернулось ощущение того, как я, четырехлетняя, увидев происходящее на сцене, отталкиваюсь ногой от земли и подпрыгиваю. Это было в гараже дома бабушки и дедушки, наполненном резким, своеобразным запахом хауттүйнии¹, разрастающейся с приходом лета. Я обсыпаюсь золотистой «пыльцой фей», которую мне купили в киоске, и несколько раз подпрыгиваю. Когда приземляюсь, мои туфельки на специальной «звучащей» подошве, которые в детстве меня заставляли надевать, куда бы я ни шла, тоненько пищат, это из подошв выходит воздух. Я не

¹ Хауттүйния (гуттуиния) – декоративное растение с «рыбным» запахом, поэтому известно также под названием «рыбная мята». В Азии зелень и корни растения используются в пищу, из нее также делают травяные чаи «докудами» (японское название). (Здесь и далее – прим. перев.)

думала, что смогу полететь. Но промежутки между звуками становились капельку длиннее, и я ждала, что в какой-то момент больше не услышу этот писк. Только между приземлениями в теле поселялась легкость, и эта легкость жила и во мне шестнадцатилетней, которая сидела перед телевизором в одном белье и белой блузке.

Масаки Уэно. Так было написано круглым шрифтом на упаковке, которую я схватила, будто меня что-то толкнуло; а когда полезла в поиск, он выдал то самое лицо, которое я столько раз видела в телевизоре. Так, значит, это он, подумала я. Пролетевший через молодую листву ветер подтолкнул винтики моих внутренних часов, которые в последнее время часто отставали, и я вновь задвигалась. Я так и не нашла спортивную форму, но внутри меня возник прочный стержень, и я решила, что как-нибудь справлюсь.

Масаки Уэно выступал в группе Mazama-za². С реклам-

² Mazama-za – Очевидно, название группы («Театр Мадзама») обыгрывает

ного постера на меня глядело дышащее спокойствием юношеское лицо, потерявшее округлость щек двенадцатилетнего мальчика. Я была на его концертах. Смотрела его фильмы. Видела его в телепрограммах. Теперь его голос звучал не так, как раньше, и выглядел парень по-другому, но его взгляд – особенно когда он будто бы пристально вглядывался во что-то – был такой же, как в детские годы. Когда я видела его глаза, я вспоминала, как это – вглядываться во что-то. Я ощущала внутри себя мощный поток энергии, которая вырывалась из меня наружу – не положительная и не отрицательная, я вспоминала, что значит жить.

На фотографии, которая появилась около часа дня, в его глазах тоже можно было увидеть эту сосредоточенность. После занятия по плаванию от учеников, которые несут на плечах мокрые полотенца, пахнет хлоркой. Во время обеденного перерыва слышно, как в классе двигают стулья и как кто-

то мелкими шагами быстро идет по коридору. Я села во втором ряду и засунула в уши наушники. В неполной тишине я почувствовала, как у меня внутри все напрягается.

Репортаж начинался с того, как он выходит из офиса менеджера группы. Под вспышками он выглядел несколько изможденным. «Вы позволите задать несколько вопросов?» – ему под нос суют микрофон. «Да». – «Вы подняли руку на девушку фанатку?» – «Да». – «Но почему это произошло?» Вел он себя как-то странно, было непонятно, это он так отвечает на вопросы или просто откликается на слова репортера. «Мне бы не хотелось об этом говорить. Прошу прощения за то, что побеспокоил и доставил всем неудобства». – «А извинения девушке?» – «Я извинился». – «А что с вашей дальнейшей карьерой?» – «Не знаю. Мы сейчас обсуждаем это с менеджерами лейбла и другими членами группы». Он сел в машину, и ему в спину полетел крик репортера: «Вы раскаиваетесь?» Он оглянулся, и мне показалось, что в его глазах на миг блеснули сильные эмоции. Однако он тут же сказал: «Ну...»

Автомобиль отъехал, и в его черном корпусе отразились люди и съемочное оборудование. Посыпались комментарии – видимо, от фанатов:

Ну что это за поведение?

Я хочу, чтобы он раскаялся и вернулся. Масаки, жду тебя вечно!

Сам во всем виноват – и так себя ведет!

Разве он не знает, что надо делать? Объяснил бы все!

Я кучу раз была на его концертах, но больше ни за что не пойду! Вы – безмозглые зомби, высказывающие претензии пострадавшей девушке, вам что, все равно?!

Наверх поднялась строчка:

**Кто считает, что это лицо абьюзера,
жмите лайк!**

Досмотрев, я вернулась в начало и записала на листочках обмен репликами. Айдол в «Новостях фан-клуба» писал, что не любит слова вроде «ну», «типа», «в общем», так что его ответ, видимо, был неслучаен. Я расшифровывала и записывала высказывания кумира в радиоэфирах и на ТВ-шоу, в моей комнате хранится больше двадцати исписанных тетрадок. CD- и DVD-диски, фотоальбомы я обычно покупаю в трех экземплярах: для хранения, для рассматривания и для одалживания. Все передачи я записываю и пересматриваю по много раз. Зафиксированные слова, поступки и жесты нужны для того, чтобы понять этого человека – моего кумира. Пока я записывала свои интерпретации и публиковала их, просмотры блога возросли, увеличилось число лайков и комментариев, и даже появились люди, ожидающие обновлений.

Акари, я фанат твоего блога.

Сколько людей, столько и способов прикоснуться к айдолу: кто-то оправдывает любые его выходки, а кто-то спорит, утверждая, что нельзя называться фанатом, если не различаешь плохое и хорошее. Кто-то влюблен в него и не интере-

суется его творчеством, кто-то не испытывает таких чувств, но активно общается, посылая ему сообщения, кто-то, напротив, любит его творчество, но совершенно равнодушен к скандалам, кто-то сконцентрирован на том, чтобы потратить деньги, а кто-то – чтобы общаться с такими же фанатами...

Моя позиция состояла в том, чтобы постоянно интерпретировать и творчество, и человека одновременно. Я хотела увидеть тот мир, который видит он.

Я залезла в блог, чтобы посмотреть, когда у меня возникла эта идея делиться своими наблюдениями. Первая запись появилась примерно через месяц после того, как в прошлом году я в первый раз ходила на концерт Mazama-za. Я тогда написала о своих впечатлениях от радиошоу, и в моем блоге пост занял примерно пятое место по количеству просмотров – публикация вызвала интерес, видимо, еще и потому, что программа была местная.

Здравствуйте, все. Слышали? Вчера айдол выступал по радио. Очень хорошая была передача, но сказали, что пере-

давали ее только в префектуре Канагава, поэтому я решила записать здесь впечатлившие меня кусочки для тех, кто не смог ее послушать. Далее следует расшифровка ответов айдола на вопрос «Ваши первые воспоминания о мире шоу-бизнеса». Красным выделены слова ведущего, Имамурэ, синим – слова айдола.

– Ох, ничего хорошего.

– Это еще интереснее. Давайте поговорим.

– Я очень хорошо это помню. Был мой день рождения, мне исполнилось пять лет, и мама сказала, мол, с сегодняшнего дня будешь выступать на телевидении, тебя будут снимать. Вот так неожиданно. Меня привели в декорации, где было голубое небо, облачка и неяркая радуга – как будто во сне, но там, где суетились взрослые, было темно, и за черными камерами и всякими штуками стояла мама в черно-белом платье «в гусиную лапку». Она... ну, как-то так махала руками перед собой – может, подбадривала меня. Между нами было всего метров пять, но казалось, будто она прощается перед расставанием, и я чуть не заплакал, и тогда... человек в кигуруми³ в виде медвежонка сделал вот так – понимаете?

– А-а, вот так кулак вверх, как Ультрамен?⁴ Мы на ра-

³ Кигуруми – полностью покрывающий тело мягкий костюм, выполненный в виде животного, мультипликационного персонажа и т. п.

⁴ Ультрамен – герой-гигант, заглавный персонаж популярного японского телесериала 1966–1968 гг.

дио, так что попробуй без жестов.

– Ой, точно. (Смех.) В общем, он так делал и блестящими черными глазами смотрел на меня. Мне хотелось плакать, но тут я засмеялся, и мое лицо, которое отражалось в глазах медвежонка, выглядело отлично, и потом он все время так меня смешил. И тогда я понял, что искусственный смех никто не отличит от настоящего и никто не поймет, что я чувствую.

– В пять лет?!

– Да, в пять лет.

– Да уж, неприятные воспоминания для пятилетки. (Смех.)

– Знаете, бывает такое: некоторые пишут только про себя: когда влюбились в меня или как давно следят за моим творчеством, рассказывают о том, что у них случилось. Нет, мне приятно, но все-таки я ощущаю, что между нами есть какое-то психологическое расстояние.

– Но ведь фанаты этого не знают, они ведь не общаются с вами постоянно.

– Но частенько и те, кто находится рядом, тоже вроде как далеко. Говоришь с кем-нибудь и видишь: он меня не понимает, но все равно кивает.

– Ой, что, и я тоже?

– Дая не в этом смысле. Хотя... не знаю. У вас есть привычка хвалить всё подряд.

– Ничего себе! Но я же от чистого сердца всегда хвалю!

(Смех.)

– Извините, извините. (Смех.) Но, возможно, я именно поэтому пишу слова к песням. В надежде, что найдется хоть один человек, который меня поймет, узнает меня. Без этого я бы не смог выйти на сцену.

Тут я поняла, что значит выражение «сердце сжалось». Кажется, я уже писала раньше: я впервые увидела его, когда ему было 12 лет, поэтому, наверное, мне интересны рассказы про его детские роли. Он привлекает людей, но есть в нем и что-то отталкивающее. Я хочу увидеть тот мир, который он видит, который он ощущает, хоть он и не верит, что кто-то может его понять. Не знаю, сколько лет для этого потребуется – может, я его и за всю жизнь не пойму. Но мне кажется, в нем есть сила, которая заставляет меня усомниться в возможности его понять.

С тех пор, как я начала им увлекаться, прошел год. За это короткое время я, как сумела, собрала огромное количество

информации о нем, накопившейся за двадцать лет карьеры, так что в результате научилась предугадывать большинство его ответов на вопросы во время встреч с фанатами. Даже с последнего ряда, откуда невооруженным глазом и лиц не разглядеть, я узнаю его на сцене просто по манере держаться. Как-то раз Сестрица Мина из его группы в шутку написала что-то с его аккаунта, а я прокомментировала, мол, что-то не так, не похоже на Масаки, и она ответила мне:

Точно! Я просто хотела его изобразить (смайлик).

Вообще, от группы очень редко приходят ответы. Кстати, кажется, именно после этого я прослыла как «помешанная» на Масаки.

Иногда на его лице появляется незнакомое выражение. И тогда я думаю: значит, он бывает и такой, значит, что-то изменилось. О всех своих догадках я сразу пишу в блоге. Мои истолкования звучат довольно убедительно.

Нынешний случай стал исключением. Насколько я знаю, он не мягкий человек. Когда заходят на священную для него территорию, он раздражается. Но даже тогда вскипевшие чувства остаются только у него в глазах, ничего предосудительного он не делает. Не бывает такого, чтобы он вышел из себя, да это и не в его характере. Он всегда заявлял, что дер-

жит дистанцию между собой и другими людьми, и я никогда не думала, что он способен ударить фанатку, как бы ни были задеты его чувства.

Я пока ничего не могу сказать. Я думаю то же, что и большинство фанатов, высказывания которых много раз видела в соцсетях. Не знаю, должна ли я сердиться, или защищать его, или переживать за оскорбленных людей... Но даже не понимая, как себя вести, я отчетливо уловила ощущение, возникшее под ложечкой. Одно я знала точно: я и дальше буду его поддерживать.

Из оцепенения меня вывел звонок, и первое, что я почувствовала, – это холодок на затылке от выступившего пота. Рассаживаясь по своим местам после перерыва, многие жаловались на жару, но мне казалось, что жар у меня под рубашкой был сильнее, чем у кого-либо в классе, однако я не успела его выпустить, так как открылась дверь. Учитель географии Тадано, который в последнее время носил светло-ко-

ричневый костюм и к нему галстуки с узорами, появился в брюках и белой рубашке и, скороговоркой объяснив: «Важно снижать энергопотребление!⁵ Держите!», начал раздавать распечатки. Мальчики, сидевшие впереди, зашуршали листками, передавая их поверх голов назад, и я тоже взяла листок и передала остальные назад. Урок не усваивался. Глядя на рукописный шрифт, который Тадано часто использует в распечатках, я думала: вот бы это был его почерк.

Члены фан-клуба на Рождество и 1 января получают открытки, на которых напечатаны поздравления, написанные рукой кумира, и, если их вырезать и выстроить определенным образом, можно получить «шрифт Масаки Уэно», похожий на этот рукописный шрифт. Тогда бы и учеба пошла получше. Теперь моя голова была занята только этим, я размышляла, что делать, если каких-то элементов не будет, и как конкретно создавать шрифт. Тадано перестал писать, кончик мела раскрошился, и белая пыль посыпалась на доску. «Ах да, сегодня же надо сдавать доклады, давайте-ка их соберем, вы ведь принесли?» Стало шумно, будто ко мне в ухо заползла цикада. Она отложила жуткое количество яиц, и те вылупились в тяжелой голове и зажужжали. Я ведь записывала! – я, которая находилась внутри моей головы, повысила голос. Ну и какой смысл записывать, если ты забы-

⁵ Имеется в виду кампания Министерства окружающей среды по экономии электроэнергии, в ходе которой служащим разрешается носить более легкую одежду, но при этом требуется сократить использование кондиционеров в офисах и учреждениях.

ла посмотреть в свои записи и не принесла доклад? «Итак, собираем работы» – при этих словах все встали, а я встать не смогла. Мальчик на переднем ряду быстро подошел к столу учителя: «Простите, я забы-ыл». Вокруг захихикали. Я тоже подошла вслед за ним, и тоже извинилась, и сказала, что забыла. Но надо мной не смеялись. Во мне не было той легкости, которая превратила бы меня в «дурочку» или «забывашку».

Уже собираясь уходить, я вытащила из парты учебник по математике. Я вздрогнула. Я ведь брала его у Юу, и она сказала, что на пятом уроке у нее математика, так что в перерыв я должна была его вернуть. Я побежала в соседний класс, но Юу там уже не было, и я отправила ей сообщение.

Прости, забыла вернуть учебник.

Я же говорила, что у меня на пятом уроке математика!

Кто так делает?

Прости, пожалуйста.

Печатая сообщения, я подумала, что теперь не смогу смотреть ей в глаза. Завернув за угол, я неожиданно услышала от проходившей мимо медсестры: «Акари, принеси, пожалуйста, результаты последнего медосмотра». Постоянных

посетителей медкабинета зовут по имени⁶. Волнистые волосы медсестры были связаны сзади в пучок, и этот пучок, похожий на конский хвост, всегда свисал на ее халат. Летом от ее белого халата резало глаза и кружилась голова. Я сложила один из листков вчетверо и написала: «Учебник по математике, результаты медосмотра». А потом еще дописала: «Доклад по географии, зонтик Наруми, деньги за экскурсию, часы». Я записывала, чуть ли не дырявя ручкой листок, но тут мои веки задрожали в легкой судороге, и рюкзак, зажатый под мышкой, сполз вниз. Лучи солнца, попадавшие в окно в коридоре, стали гуще, солнце клонилось к закату. От этих густых лучей мои щеки запылали.

Здравствуйте, друзья, давно я не писала. Сделала небольшой перерыв после того происшествия, но теперь решила писать снова. Кстати, этот пост открыт только для подписчиков, поэтому прошу не распространять его другими способами.

⁶ Обычно в японских школах к ученикам обращаются по фамилии.

Всех нас, фанатов Масаки, да и всех фанатов группы Мазата-за, наверное, шокировало то происшествие. Я узнала о скандале из Сети, посмотрела репортаж и комментарии. Да, баталии развернулись нешуточные, и с ними действительно ничего нельзя сделать. Со всех сторон подливают масла в огонь, только чуть утихнет – подбрасывают старые высказывания или фотографии, которые снова разжигают споры. Мало того, появилась версия о ссоре с Акихито, которого он называл своей родственной душой, а кто-то стал рассказывать, что в старших классах в Химэдзи, откуда он родом, он над кем-то издевался. Вообще-то, в старших классах он учился в Токио, да еще и заочно, так что почти не ходил в школу, поэтому я даже восхищаюсь этой дезой, но все-таки зачем так врать-то?

Думаю, многие знают, что на тамошнем форуме его называют «сжигаемый мусор»⁷. Он как-то говорил по телевизору, что даже критика – это хлеб, поэтому он иногда ищет упоминания о себе в Сети. Только представлю, как он читает такое, – становится жутко, но тут уж ничего не поделаешь, остается только наблюдать за происходящим, закусив губу.

В общем, на концерте я хочу зажечь синий фонарик – его цвет в группе. Наверное, сложно будет подгадать момент, но я не хочу, чтобы он грустил при следующем голосовании

⁷ В Японии очень строго относятся к разделению мусора на категории, одна из них – «сжигаемый мусор».

за самого популярного члена группы. Фанаты Масаки, давайте поддержим его!

Меня укачало в машине. Во лбу, где-то в глубине, за глазами чувствовалась тошнота, она крепко засела, и я никак не могла выковырять ее оттуда. Я спросила: «Можно открыть окно?» – но мама твердым голосом сказала: «Нет!» – и я заметила капли дождя, стекавшие по стеклу.

– Что ты писала? – усталым, как и вся она, голосом спросила сестра, которую потряхивало на соседнем сиденье.

– Блог.

– Про него?

Я утвердительно хмыкнула. Пустой желудок сжался.

– Я увижу?

– Только для подписчиков.

– Пф.

Иногда сестра заходит с комментариями о моей фанатской деятельности. Удивляется: мол, что ты в нем нашла?

Мол, неужели тебе такие лица нравятся? У Акихито лицо не такое плоское, а Сэна лучше поет.

Дурацкий вопрос. Разве должна быть причина? Если дорого само его существование, дорого и все, что связано с айдолом: лицо, танцы, песни, интонации, характер, манеры. Это как в поговорке «если не любишь монахов, и на рясу смотреть противно», только наоборот. Если тебе понравился монах, то ты любишь даже распустившиеся ниточки на его рясе. По-моему, так.

– А деньги когда вернешь? – делано небрежным тоном спросила сестра.

– Ой, прости! – ответила я в том же тоне. Это мы о том случае, когда я заказала что-то наложенным платежом, а сестра, случайно оказавшаяся дома, заплатила за меня. Я сказала ей, что верну с зарплаты, и попросила подождать, потому что скоро состоится голосование за самого популярного члена группы и мне нужны будут деньги на дополнительные траты, и она снова фыркнула.

– Интересно, насколько изменится рейтинг.

Я пожала плечами.

– Он ведь зависит от количества пришлых?

– Думаешь, уйдут?

– Наверняка многие из тех, кто пришел после «Нержавеющей любви», отвалятся.

После фильма «Нержавеющая любовь» у айдола появилось много новых фанатов. У него там не главная роль, но

– возможно, еще и из-за не очень хорошей игры главной героини, по фильму она его младшая подруга – он стал очень популярен, и для фанатов фильма последний инцидент, наверное, был болезненным ударом.

Мама вдруг несколько раз с силой ударила по клаксону, коротко бибикнув. Сдавленным голосом она прошипела, чтобы не было слышно в ехавшей навстречу машине: «Что ж ты делаешь!»

Сестра сглотнула, будто это было сказано ей. Болтая о всяких пустяках, она все время следила за маминым поведением. Она всегда так делает. Если маму что-то беспокоит, она молчит, и чем дольше мама молчит, тем больше болтает сестра.

Я слышала, что, когда давным-давно отца отправили в заграничную командировку, это бабушка была против, чтобы мы ехали всей семьей. Она заявила, что мама хочет оставить ее, вдову, совсем одну, что это неуважение к матери, и заставила мою маму с детьми – бабушкиными внуками – остаться в Японии. Мама говорила о бабушке только плохое.

Сестра пошарила в пакете, который мы купили в больничном киоске, и со щелчком открыла бутылку с чаем. Отпила глоток, потом посмотрела на этикетку с составом и снова поднесла бутылку ко рту. С полным ртом чая она сдвинула брови и мотнула головой в мою сторону – мол, будешь? – а потом прополоскала чаем горло и спросила: «Будешь?» Я угукнула и взяла у нее бутылку, но из-за тряски горлышко

стукнуло о зубы, и я чуть не пролила чай через нижнюю губу. Жидкость полилась внутрь, успокаивая пустой желудок. После того, как бабушке сделали гастростомию, прошло уже два года, но я до сих пор не могла осознать, что людям, которые не могут глотать пищу, делают отверстие в желудке и вводят туда питательные вещества напрямую. В палате нельзя есть, поэтому, если ехать навещать бабушку в середине дня, получается, пропускаешь обед.

Меня укачивало, а в таком состоянии на экран телефона сложно смотреть, поэтому я вставила наушники и начала слушать их последний альбом с его сольной песней. Когда в предыдущем голосовании, еще до того, как разгорелись страсти, айдол занял первое место по популярности, у него вышла сольная песня «Двуличная Ундина», и слова к ней тоже писал он сам. В начале идет впечатляющий гитарный перебор, а потом слышен короткий вдох и раздается хриплый голос: «В горизонт...» Я чувствую, как по моим плечам разливается тепло. По сравнению с электронными мелодиями, которых стало так много в последнее время, эта очень простая, и к тому же в ней чувствуется какая-то печаль. «В горизонт вонзая клыки...» Когда эта песня только вышла, некоторые влюбленные в кумира фанатки болтались по Сети, выискивая девушек с выдающимися вперед клыками.

Я открываю глаза. Дождь серой дымкой смазал границу между небом и морем. Дома, прилепившиеся к берегу, заперла внутри себя темная туча. Когда соприкасаешься с его

миром, начинаешь все видеть по-другому. Глядя, как шевелится мой пересохший язык внутри отражающегося в оконном стекле темного теплого рта, я беззвучно напеваю слова песни. Тогда мне начинает казаться, что звучащий в ушах голос кумира срывается с моих губ. На мой голос накладывается его голос, на мои глаза накладываются его глаза.

Мама поворачивает руль. Капли дождя, до которых не достают дворники, стекают струйками, и вытертое под ритмичные звуки – ту-тук, ту-тук – лобовое стекло снова заливает вода. Деревья вдоль дороги теряют очертания, и в глазах остается только свежая зелень.

Когда мы приехали домой, тяжесть от тошноты уже исчезла. «Там что-то пришло. Госпоже Акари Ямасите». Сестра вручила мне пакет с десятком CD-дисков. У себя в комнате я аккуратно развернула его и вытащила билетик для голосования. Если купить диск с новыми песнями за две тысячи иен, получаешь один билетик, значит, вместе с этим я их ку-

пила уже пятнадцать. Голосование определит, кто что будет петь на следующем альбоме и кто где встанет на сцене на его презентации, а тот, кто получит больше всего голосов, сможет спеть длинное соло. За каждые десять билетиков можно пожать руку любимому члену группы, так что я думаю, это замечательная система. Зарегистрировав на сайте билетик, я из списка – Акихито Сайто, Масаки Уэно, Мифую Татибана, Мина Окано, Тоору Сэна – выбираю написанное синим имя Масаки Уэно. Я проголосовала в десяти билетиках и заглянула в блог: количество просмотров было меньше, чем обычно, но я вспомнила, что это закрытый пост, только для подписчиков. Почти все комментарии начинались с беспокойства обо мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.